

Ильина Е. Н. КИНО в языковой картине мира сельских жителей Русского Севера / Е. Н. Ильина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 68—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-68-84.

Ilyina, E. N. (2022). CINEMA in Linguistic Worldview of Russian North Villagers. *Nauchnyi dialog*, 11(4): 68-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-68-84. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-68-84

КИНО в языковой картине мира сельских жителей Русского Севера

Ильина Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-1797-8959
доктор филологических наук,
профессор
filfak@list.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
(проект 20-012-00082 «Медиаобраз
локальной устной речевой культуры:
когнитивные и языковые механизмы»)

CINEMA in Linguistic Worldview of Russian North Villagers

Elena N. Ilyina
orcid.org/0000-0002-1797-8959
Doctor of Philology, Professor
filfak@list.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported
by the Russian Foundation
for Basic Research (project
20-012-00082 “Media Image
of Local Oral Speech Culture:
Cognitive and Linguistic Mechanisms”)

© Ильина Е. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются народные представления о киноискусстве и кинематографе. Проанализированы записи речи жителей Вологодского края, сделанные автором статьи в период с 1988 по 2021 годы, а также цитатный материал, зафиксированный в опубликованных выпусках и картотеке «Словаря вологодских говоров». Устанавливается относительно позднее вхождение кино в повседневность северной деревни (конец 60-х — 70-е годы XX века). Приоритетность биологического выживания человека в сложных природных условиях определяет отношение к кино как форме проведения свободного времени согласно с распорядком ежедневных и календарных крестьянских работ. Устройство деревенского социума служит своеобразным «фильтром» для восприятия сюжетно-тематической, персонажной и эстетической составляющих кинематографа: сельский зритель воспринимает сферу кино как яркую и привлекательную, но тем не менее избыточную для деревенской жизни и небезопасную для общественной нравственности. Ословливается только то, что входит в круг интересов крестьянина, представляет для него ценность или анти-ценность. Традиционность диалектной картины мира проявляется, с одной стороны, в стремлении вписать новую форму «городской культуры» в круг сельских развлечений, а с другой стороны, в использовании устоявшихся лексико-фразеологических средств и жанровых форм в практике обсуждения предметной, аксиологической и акциональной составляющих сферы кино.

Ключевые слова:

русская диалектология; севернорусские говоры; диалектная языковая картина мира; кинематограф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Folk ideas about cinematic art and cinematography are studied. The recordings of the speech of the inhabitants of the Vologda Territory, made by the author of the article in the period from 1988 to 2021, as well as citation material recorded in the published issues and card file of the Dictionary of Vologda Dialects, are analyzed. A relatively late entry of cinema into the everyday life of the northern village is established (late 60s — 70s of the XX century). The priority of human biological survival in difficult natural conditions determines the attitude towards cinema as a form of spending free time in accordance with the routine of daily and calendar peasant work. The device of the village society serves as a kind of “filter” for the perception of the plot-thematic, character and aesthetic components of cinema: the rural viewer perceives the sphere of cinema as bright and attractive, but nevertheless redundant for village life and unsafe for public morality. Only that which is within the circle of interests of the peasant, that is of value or anti-value for him, is verbalized. The traditional nature of the dialectal picture of the world is manifested, on the one hand, in the desire to enter a new form of “urban culture” into the circle of rural entertainment, and on the other hand, in the use of well-established lexical and phraseological means and genre forms in the practice of discussing the subject, axiological and actional components of the cinema sphere.

Key words:

Russian dialectology; northern Russian dialects; Dialect Linguistic Worldview; cinema.

КИНО в языковой картине мира сельских жителей Русского Севера

© Ильина Е. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Русские народные говоры составляют специфическую часть национального языка, они формируются в относительно замкнутых языковых коллективах, существуют в устной форме и характеризуются хронологической и типологической неоднородностью. Специфика отражения в говорах представлений о мире их носителей составляет одну из проблем отечественной диалектологии примерно с середины 90-х годов XX века. Определяя *диалектную языковую картину мира* (ДЯКМ) как «вариант национального образа мира, отражённый в совокупности территориальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций» [Демидова, 2008, с. 18], диалектологи выявляют ее отличительные признаки: эклектичность, парцеллированность, приоритетность идей биологического выживания и социальной адаптации в условиях сельского бытия, утилитарность, традиционность и экспрессивность. Различия общенародной и диалектной картин мира связаны, по мнению исследователей, «с границами распространения этих вербализованных представлений о мире, а также с характером категоризации и концептуализации действительности, выделением приоритетных сфер, выбором форм и средств языковой реализации знания» [Брысина и др., 2014, с. 140]. Изучая особенности работы с региональным речевым материалом в практике реконструкции ДЯКМ, ученые акцентируют внимание на многообразии языковых средств и речевых практик репрезентации локальных представлений о мире, подчеркивая наибольшую информативность анализа лексико-фразеологического фонда русских говоров [Букринская и др., 1998; Белякова, 2005; др.], процессов диалектного словообразования [Вендина, 1998; Блинова, 2007; др.], а также перспективность изучения когнитивного потенциала диалектной языковой личности [Иванцова, 2002; Гынгазова, 2007; др.].

Записи речи жителей Вологодского края также стали основой для лексико-фразеологических штудий [Русское ..., 2003; Ильина и др., 2019б; др.], исследований по диалектному словообразованию [Кирилова, 2008; Ильина и др., 2019а; др.], этнолингвистических описаний отдельных территорий [Режские тексты ..., 2016; Речевая культура Белозерья ..., 2021] и коммуникативно-речевых портретов сельских жителей [Зубова, 2016;

Ганичева, 2016; Народная речь ..., 2017; др.]. Описание ДЯКМ вологодского крестьянина преимущественно реализуется нами по следующей модели: во-первых, определяется **предметный мир**, изучается круг актуальных для диалектоносителей объектов материальной и духовной культуры; во-вторых, исследуется **аксиологическая составляющая** картины мира: выявляется система эталонов и оценок, инвентарь средств вербализации оценки в наблюдаемом корпусе высказываний; в-третьих, рассматривается **акциональная составляющая**: какие именно действия по отношению к изучаемой предметной сфере могут быть осуществлены на основе вербализуемой системы оценок [Речевая культура Белозерья ..., 2021].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Решая проблему реконструкции ДЯКМ, мы обратили внимание, что ее отличительные свойства проявляются как в процессе ословливания традиционных сфер материальной и духовной культуры социума, так и в практике осмысления социальных новаций. Достаточно репрезентативный речевой материал, собранный нами в полевых условиях, дает возможность исследовать представления диалектоносителей о **кино**. В данной статье мы придерживаемся широкого толкования этого слова, обобщая представления о «движущихся картинах», созданных с помощью различных технологических практик в процессе решения разных коммуникативных и эстетических задач (художественное: игровое и рисованное — кино, документальное кино, телепрограммы информационного, просветительского, развлекательного характера, телереклама, др.) и представленных зрителю с помощью различных возможностей демонстрации (кинопрокат, теле-, видео- и интернет-вещание). Это вполне обусловлено обыденными представлениями о семантике этого слова, сложившимися в среде потребителей кинопродукции, а не её создателей. Такая точка зрения отражена и в лингвистических словарях: **Кино**, неслк., ср. — 1. То же, что кинематография, киноискусство. *Немое кино. Звуковое кино*. 2. То же, что кинотеатр. *Ходить в кино*. 3. То же, что кинофильм. *Текут к экрану волны света, на тихих улицах темно. Сегодня в клубе сельсовета идет хорошее кино* [СРЯ, т. 2, с. 48]. Для сельских жителей, далеких от проблем кинематографа и телевидения, нюансы внутреннего членения этих сфер не особенно важны: *Мы какие кина-то смотрим? Ну, раньше в клуб возили картины, тамотко смотрели. Побогачё стали жить, дак тиливизер купили, на ём глядим: я больше «Огоньки» да какие есть кина после «Времени» — раньше-то мне когда с эким огородом? Дедко больше новости. А Сенька с планшетом приезжаёт, у ёо кина в планшете* (запись 2016 года).

По свидетельству вологодского киноведа Т. Н. Кануновой, в 1932 году в областном центре впервые был показан звуковой фильм, в 1958 году состоялся первый показ фильма на широком экране, в 1971 году был построен первый широкоформатный кинотеатр. К концу 20-х годов в области работало более двадцати киноустановок, к началу 60-х годов их стало более тысячи. Вологодская областная контора «Кинопрокат» к 1950-м годам открыла филиалы в Вытегре, Череповце, Белозерске и других районных центрах, примерно с этого же времени формируется система кинопроката в сельских учреждениях культуры [Канунова, 2013, с. 23—30]. Вместе с тем массовый деревенский зритель, как правило, оставался вне сферы обслуживания кинопрокатными организациями [Дианова, 2021, с. 129]. Наши информанты вспоминают, что просмотр кинофильмов вошел в жизнь сельчан не ранее шестидесятых годов XX века: *Клуб-то у нас тут стоял, изба-читальня, уж после войны — да хорошо после! — кина возить стали. Денёг-то не больно было, какой кино?* (запись 1993 года). Примерно к середине семидесятых в домах колхозников стали появляться телевизоры: *Бабы, доярки-те, путнё получили, дак тиливизеры были. У Грибовых, у Тамары, у Зои, у Надюшки Хохловой. И мы маме купили — году, пои, в семьдесят пятом — у меня Людка в садик ходила* (запись 2021 года).

Среди ведущих идеологических задач кинофикации деревни исследователи называют продвижение идеологических и социокультурных установок Советской власти, героизацию и мифологизацию субъектов и событий Великой Октябрьской Социалистической революции, Гражданской и Великой Отечественной войн; воспитание негативного отношения к традиционной народной культуре и формирование «новой культуры села» [Сидорова, 2019; Дианова, 2021 и др.]. Послевоенные десятилетия — период зрелости наших старших информантов и юности более молодых — стали временем формирования на селе новых культурных традиций: на смену традиционным формам сельского досуга, организованным, как правило, за пределами крестьянского дома, приходит культура домашнего досуга в компании родственников и соседей, вокруг каких-либо средств массовой информации: *Мама моя на гулянку хаживала, ну, вёрст за пятнадцать дак точно — и взамуж вот сюды, в Борбушино, вышла. Мы с Ольгой да с Нинкой Кашиной уж, поди, в своей деревне, да в Плахине гулели, да, можот, когда на Горах, вон ииши в Перхине бывали, это вот в ту сторону лесом — у меня первой-то муж, Юрка, с Перхина. А уж наши робята дак дальше клуба борбушинскоо не бывали! Павлуха вон и в клубе, пои-ко, не бывывал — всё за книжкам да у радива* (запись 2019 года). Кино, радио и пресса, с одной стороны, способствовали преодолению локальной замкнутости сельского социума, а с другой стороны, активизировали отток сельского населения в города, способство-

вали утрате традиционной деревенской культуры, а также маргинализации бывших сельчан в условиях города [Кометчиков, 2016; Сидорова, 2019; др.]. Специалисты по истории кинофикации деревни в 1920—1950 годы обращают внимание на специфику репертуара, адресованного сельскому зрителю: «Кубанские казаки» (1950, режиссер И. Пырьев), «Кавалер Золотой Звезды» (1950, режиссер Ю. Райзман), «Свадьба с приданым» (1953, режиссеры Т. Лукашевич, Б. Ровенских) и подобные им фильмы не имели ничего общего с жизнью послевоенной деревни, кино этого времени «панически боялось неудобных тем, к числу которых относилось реальное положение голодающих сельских жителей», создавая «миф о деревне» для руководства страны [Горбачев, 2017, с. 244]. Наши информанты, прожившие большую часть жизни в северной деревне и хорошо помнящие лишения послевоенных лет, тем не менее не высказывают негативных мнений по поводу этих несоответствий: кинематограф воспринимается ими как весьма условный, «сказочный» мир, который и не должен быть близким к повседневности (*Вот был ишишо Тимур с ео командой, дак там большёе про жись, но тожо, пои, сказка* (запись 1999 года). *Ну, какиё кина-те возили? Про Чапаёва, про, вон, помню, «Кубанский казаки», про войну — воно как лётчику обоёе ноги отхайдакали!* (запись 1991 года)). Кинофильмы времен их молодости, скорее, вызывают чувство сопричастности в деталях: «*Девчата*». *Тоська, деушка-та самая бойкая, на ёй шапка, дак как я в школу ходила!* (запись 1998 года). «*Свинарка и пастух*», *помню, казали. Дак там деушка была Глаша — и посмотреть на что исятко, и роботяишая, и всё при ёй. И мы эдак роботали, токо с тильятам, тожо родится, дак ой, упетаёссё с ими!* (запись 2021 года).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Кино, являясь частью городской культуры, «внешней» по отношению к сельчанам, воспринималось ими особым образом: создание кинопродукта практически всегда скрыто от сельских жителей; исключения составляют лишь припоминаемые ими немногочисленные натурные съемки художественных фильмов, когда-либо осуществлявшиеся в непосредственной близости от мест проживания информантов (*В Кириллове у нас кина снимали, я помню, издили сюды кина снимать, уж какиё, дак я не вспомню, а было* (запись 1994 года)), а также весьма нечастые случаи теле- и видеосъемки документального характера: *Баб наших съмать приезжали с Вологды для кина, доярок-то, Тамаре Струничёвой даже орден тогда дали* (запись 1994 года). *Спросила Людку: чёо про Борбушино нашо кажут? А ничёо, показали, как Корягиных дом сгорел да у Репы* (запись 2019 года). Записи рассказов сельских жителей о кино в наших источниках относительно немногочисленны — преимущественно они сделаны нами

лично в ходе изучения говора деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области. Но при всей ограниченности записанного нами материала представляется возможным выявить существенные особенности восприятия мира кино с точки зрения предметной, аксиологической и акциональной составляющих языковой картины мира сельских жителей Вологодского края.

3.1. Предметная составляющая сферы кино в картине мира вологодского крестьянина

Субъектный мир. Диалектоносители чрезвычайно редко упоминают в своей речи тех, чья деятельность связана собственно с созданием произведений кино- и телевидения: ситуации их упоминания связаны либо с историей места (*Вот тута повернуть, с километр, дак церковь Ильи-то будёт, у ёй Павлик, дед твой, повалён, а прямо, дак дачи у богатиев понастроены, ишишо, говорят, Михалков тута себе усадьбу заимел, рижисёр-то усатой* (запись 2017 года)), либо с семейными историями (*У Маринки девка кооперативный кончила в Вологде, дак поехала в Москву, учится на какоо-то там, не пойми что, продюссера, чёо это — ну, кина делать, чёо-то там* (запись 2014 года)). Иногда информанты называют известных в этой сфере людей по именам, либо делясь впечатлениями о просмотренном ранее аудиовизуальном контенте (*Ноне кина тожо снимают, но мне вот не больно гленётсё. Вот, помню, раньше Крючков был, ишишо этот, Бондарчук, да много хороших-то артестов-то казали. А ноне дак я и не упомню* (запись 1992 года)), либо усматривая некие параллели между этими людьми и жизнью своих близких (*Павлуха, Ольги-то муж, с молодых-то годов был красивой мужик, ну вот как Тихонов-артист. Ольга сама-то не больно баская, а девки дак обе в ихнюю породу пошли, батькины дочки!* (запись 2000 года)). Значительно чаще в речи информантов упоминаются субъекты «ближайшего круга», связанные непосредственно с демонстрацией кино-, теле- и видеопродукции: работники киносети (*Кинщик с города привозил кина-ти, прокрутят эту нидилю у нас, Толя Назаров раза два покажет, а потом дальше — пой, в Коварзино, в Чарозеро, там тожо клубы были, кина казали* (запись 1989 года)), конкретного учреждения культуры (*Клубарём-от у нас Роза Гусёва уж сколь и годов-то была, борбушинская, а киномеханик с Мысу ходил, Толя Назаров* (запись 1989 года)) или предприятия сферы услуг (*Тиливизеры все к Игорю чинить возили, он всю жисть чёо-то чинил — и приёмники, и тиливизеры, у коо чёо* (запись 1998 года)). Органично присутствуя в локальном социуме (*Тут Розы был дом, клубарихи. Мужик у ёй был путний, Толя-тракторист, робят двоё — Василей шоферит, уж, пой, на пенсии, а Надька на учительницу*

выучилась (запись 2011 года)), эти люди тем не менее воспринимались через призму их не-деревенского, «чистого» ремесла: *Уж Роза дак не чета нам была. Мы дак чё: навирзашь на sibя чё исятко — и на двор. А она клубарём была, ей положоно попорядошней-то одёваться. Роза нос-то высоко дёржала, завклубом — это тебе не к коровам!* (запись 1990 года). *Нинуха-то после школы на киномеханика год училась. А чё? Путняя робота с кинам-то, не в говне. А как замуж-то в Перхино вышла, дак какиё кина? В город уехали, робята пошли — так всю жисть кладовишыком и отроботала* (запись 2001 года).

Объектный мир. Диалектоносители старшего поколения преимущественно в обобщенном виде вербализуют в своей речи предметный мир кинематографа. Как общие названия произведений используются существительные кино (*Голова-то у тя с кин-от не роспухнёт? Уж которой час сидишь у тиливизера?* (запись 1990 года)), режискартина (*Толюшка Назаров говорил, картину новую привезли, можот, и схожу до клуба-то* (запись 1989 года)). Дифференцируются некоторые разновидности художественного (*Чёо привезли-то, Колюшка? Пои, камедь? Или робятёшкам опеть про индейцов? Перед кино-то мультик иногда кажут, но большё всё журнал* (запись 1988 года)) и документального кино, преимущественно предваряющего в форме «киножурнала» показ кинофильма (*Толя, ты скажи в районе-то: на той нидиле с кино этот журнал приёжжал, и по-за той, и опеть, дак сколько нам ёо смотреть-то?* (запись 1988 года)). Сюжетно-тематическое содержание фильмов обычно облекается в форму бытового нарратива, обнаруживающего связь с жанрами былички и бывальщины [Букринская и др., 2014]: *В кине-то у бабы тройнички родились будто. Один-от тройничок в дому остался, а братовёв его то ли цыганы, то ли кто выкрали и при себе воспитали, разбойниками сделали. И у них вот на этом мисте у всех родинка была, по ёй потом все и нашлисё* [СВГ, вып. 11, с. 61]. *В Череповец съехала к Маринке с Валеркой, дак он меня в салон сводил. Баушка, тебе какоё кино поставить: про войну или про любовь? А давай, — говорю, — Валерка, про любовь, на что мне про войну-то? Дак он мне, девки-матушки, чёо поставил, дак я уж на что старуха, с дедком жись прожили, робят нажили, а экого-то б...ства отродесь не видывала!* (запись 1988 года). В свёрнутом виде содержательная составляющая произведения кинематографа чаще выражается структурной кино или картина про...: *Баушка, тебе какоё кино поставить: про войну или про любовь?* (запись 1988 года). *Кин про богату-ту жись не люблю — откель она, така жись, возьмётсё, как исти нечёо?* (запись 2000 года) *Картину про индейцов казали, робятёшка топерь всё в их играют — дедко им лук со стрелам изладил, дак боюсё, как бы глаза-ти друг дружке не по-*

выкололи! (запись 2007 года). В значительно большей мере детализируется предметный мир киноиндустрии, связанный с демонстрацией кино-, теле- и видеопродукции. Это названия помещений для демонстрации (*Вот твой домик где стоит, дак и был первой-то в нашей деревне клуб. Потом уж молдавана новой-то поставили. Как щас помню: заходишь, тута комнатка киномеханика, дальше зал, а потом иишио комната большая, книжки стоели* (запись 1990 года). *В Череповец съехала к Маринке с Валеркой, дак он меня в салон сводил* (запись 1988 года)), приспособлений, демонстрирующих визуальный контент (*У Толи-то Назарова аппарат тута был, в стене дырочка ли две, через иё казали* (запись 1994 года). *Тиливизер-то мы к Шуре ходили глядять. Львовна у Максимовых, а Клаша с Некрасихой, пои, и не сматривали — им пошто, оне старухи!* (запись 1989 года)), а также носителей информации: *Валерка, помню, с видеошником приёжжал. Кассету ставит — и тебе что хошь!* (запись 1990 года). *Такиё круглыё банки возили с города, тамотко плёнка. Толя вставлёт и крутит, вот тебе и кина!* (запись 1994 года). *Как кино-то привёзут, дак Роза объявленёй делаёт. Афишка такая: одна виситсё на магазине, а вторая, понятно, на клубе. Какоё кино привёзли и почём кажут — детскиё были и взрослые билеты. А уж после кина танцы!* (запись 1994 года).

3.2. Аксиологическая составляющая сферы кино в картине мира вологодского крестьянина

Сфера кинематографа оценивается диалектоносителями как весьма яркая, привлекательная, интересная, прибыльная — но «чужая» жизненная сфера, непосредственно не связанная ни с биологическим выживанием, ни с социальной успешностью человека в сельской общине: *Тута не кино, тута жись — только держись!* (запись 1992 года). *Упталась с огородом, дак хоть каку картину кажут, дак не пойду — вся-то пала, вся-то не могу!* (запись 1994 года) *У Маринки девка ... учится на какоо-то там, не пойми что, продюсера* (запись 2014 года). Моделируемая кинематографом реальность воспринимается как развлечение (*Ох-ох-ой, сам плохой, дети малы роботать некому! Чё-то, Шура, тошно. Давай-ко тивилизер поглядим* (запись 1990 года)); информанты принимают во внимание её условность: *Робятёшкам фантомасов казали, индейцов, шерлокхомцов всяких. Вот был иишио Тимур с ео командой, дак там большёй про жись, но тожо, пои, сказка* (запись 1999 года). Степень одобрения контента зависит от того, насколько кинопродукция сюжетно-тематически и идейно понятна и близка сельским жителям: *Ну, какиё кина-те возили? Про Чапаёва, про, вон, помню, «Кубанские казаки», про войну — воно как лётчику обоё ноги отхайдакали! Про графьёв не важивали, поди, нам графья тут без надоб-*

ности (запись 1991 года). Сюжеты некоторых кинокартин, по воспоминаниям информантов, становились предметом длительного и жаркого обсуждения: так, сохранились воспоминания об одном из первых из показанных в Советском Союзе (1988—1989 годы) латиноамериканских сериалов «Рабыня Изаура» (1976, режиссеры Э. Росану, М. Гонсалвес). В пересказе сельских жителей практически полностью исчезает бразильский колорит, при этом весьма отчетливо сохраняется суть сюжета фильма и его идея, максимально приближенные к окружающей информантов действительности: *Ну, чё смотрили? Вот, про Завру. Там она тожко были деревенский, токо где-то на юге, с неграм. Роботали все на этой, как иё, на фазенде, вот как мы: в полё ходили, коров доили... А старшой над ими был Леонтий — уж какой, сука, был зимогор, дак ой! А Завра деушка ишишо молодая была, порядошнаа. Дак Леонтий всё над ёй изгалялсё — ну, ндравиласё она ёму, а путнё она ж не могут, худой он был мужик! Сколькёх истравил народу, кто к Завре сваталсё да ёй вопше помогал. Мы уж с бабам сколь ревили, как Завру-то петали — и в колхоз роботать отправели, и запирали, и мужиков ёйных довели не одинова. А там ишишо Роза была, полюбовница этого бл...ого Леонтия, тожко сука не знать кака! Дак она нуще Леонтия Завру-то изводила. Вот, помню, налила ёй в рюмку, ну, пои, водки ли чё? Пей-ко, Завра! А чё-то она замешкалсё, дак Роза сама эту водку-то схлестала и сдохла* (запись 1990 года). Оценка киноконтента, как мы можем убедиться, в основном связана с представлениями сельских жителей о нормах поведения в социуме: порицается то, что противоречит национальным интересам (*Вот артист, Афоню играл <Леонид Куравлёв — Е.И.>, хорошей, дак нет бы тожко штирлицов-то играл, дак он фашистов — поди-ко, не больно хорошо!* (запись 2010 года)), нарушает благополучие семьи (*Пошто-то кажут всё «Ирония судьбы», что хорошей фильм, а я дак против! А непочто до свинячёй-то рожки напиватьсё! Всё ведь отчё? А вино ждрать эдак нечёо! У ёо ведь своя была невеста, ёй-то, пои, как тошно! Ну, бог отвёл от алкоголика-то!* (запись 2017 года)), демонстрирует неподобающее отношение к труду (*Смотрили в клубе, картина была «Девчата»: все-то были как люди, в лесу роботали. Ну, там одна была, хвостом вертела... <Анфиса — Е.И.>. Баба красивая, конечно, но нероботь* (запись 1998 года), эгоизм, распутство и многие другие качества: *У Леонтия была, ну, попл...ушка, Роза. Тожко была негра, дак все в колхоз, а она с им кувыркаться* (запись 1990 года). Эстетический идеал информантов также преимущественно связан с традиционными представлениями о красоте (*Завра-то такая небольшенькая была, ладненькая деушка, фигуристая, не как ноне — доска* (запись 1990 года)), сопряженной с готовностью благополучной реализации биологической и социальной роли:

«Свинарка и пастух», помню, казали. Дак там деушка была Глаша — и по-смотреть на что исятко, и роботяишая, и всё при ёй (запись 1998 года). В оценке, как мы можем убедиться, весьма отчётливо проявляется грубоватая экспрессивность, в целом свойственная диалектной речи: *Всю и жопу-то обтянуло, и титьки! Раньше в эком на улицу выйти страм какой был! А ноне по тиливизеру казать стали, и наши девки, смотрю, экоё накупили, брезготницы!* (запись 2019 года).

3.3. Акциональная составляющая сферы кино в картине мира вологодского крестьянина

В процессе сбора информации, тематически связанной со сферой кино, мы интервьюировали информантов двух поколений: **родителей**, рожденных в первой четверти XX века, чье соприкосновение с системой массовой информации преимущественно было связано с устноречевой коммуникацией — радиовещанием (*По радиу-то объявили, как война-та кончилась, дак мы ревели!* (запись 1990 года)) и работой местных агитаторов (*Баушка твоя с Шурой Чечеминой агитаторам ходили* (запись 1991 года)), а также с чтением периодических изданий (*Олексеевна всё «Нову жись» выписывала да «Известия»* (запись 1995 года)), и **детей**, рожденных в конце 30-х — начале 50-х годов XX века, юность которых приходится на время кинофикации сельских клубов, а зрелость совпадает с появлением в деревне более-менее устойчивого телевещания, рядом с которым впоследствии появляются более современные технологические практики: *Ну, я с сорок первого году, школу кончила году, пои, в пийсят семом, что ли? Потом в Кириллове на киномеханика училась. Клуб на Борбушине хороший был, к нам с Мысу, с Белоусова ходили робята, девки. Кина смотреть и на танцы <...> Бабы, доярки-то, путнё получили, дак тиливизеры были. У Грибовых, у Тамары, у Зои, у Надюшки Хохловой. И мы маме купили — году, пои, в семьдесят пятом — у меня Людка в садик ходила* (запись 2021 года). Два эти поколения диалектоносителей по-разному реагировали на присутствие в их жизни аудиовизуального контента: для старшего поколения просмотр кино- и телефильмов относился к сфере экзотических, не вполне одобряемых социумом занятий (*Тиливизер-то мы к Шуре ходили глядеть. Львовна у Максимовых, а Клаша с Некрасихой, пои, и не сматривали — им пошто, оне старухи!* (запись 1989 года)), праздного времяпрепровождения (*Упелалась с огородом, дак хоть каку картину кажут, дак не пойду* (запись 1994 года)), небезопасного для общественной нравственности: *В Череповец съехала к Маринке с Валеркой, дак он меня в салон сводил. Баушка, тебе какоё кино поставить: про войну или про любовь? А давай, — говорю, — Валерка, про любовь, на что мне про войну-то? Дак*

он мне, *девки-матушки, чё поставил, дак я уж на что старуха, с дедком жись прожили, робят нажили, а экого-то б...ства отродесь не видывала!* (запись 1988 года). Информанты вспоминают случаи исключительно острого реагирования сельских жителей на содержание аудиовизуального контента: *Дедко, рассказывали, у их тиливизёр убил. А чё? А за бабские прокладки* <телереклама гигиенических прокладок — Е.И.>. *Ладно, говорит, жись прожили, бываёт, но чтобы по тиливизёру казать? Да ишиш оне по небу лётят, крыльям машут! Вот взял топор и х...кнул!* (запись 1999 года). Привычка к устноречевой форме бытовой коммуникации определяет весьма личностное восприятие того, что показывают или рассказывают с экрана: *Фелька, внук-от, тиливизер включёт, тамотко деушка мне всё и росскажот — и про погоду, и чё диётсё где* (запись 1991 года). Более молодое поколение информантов к просмотру аудиовизуального контента более лояльно (*Нам чё теперь с Венюшкой-то делать? Сидим, два-то гриба, тиливизер смотрим* (запись 2021 года)) и воспринимает информацию более отстраненно: *Сижу вот, трендит-от, как барабанка, а я чё — сижу, путаю вот на иголках носки дедку* (запись 2021 года).

4. Заключение = Conclusions

Диалектная картина мира, в значительной мере соотносясь с общенародной, совмещающей в себе вербализации универсальных и национально-специфических представлений о мире, обнаруживает специфику с точки зрения средств и способов номинации представлений об окружающей действительности. Анализ нашего материала подтверждает сделанные ранее выводы о том, что диалектную картину мира отличают **антропоцентричность** (вербализуется только то, что непосредственно связано с человеком, его личной историей, историей его семьи или места проживания) и **аксиологичность**: значимые для говорящего субъекта предметы, свойства и явления получают разнообразные и весьма подробные характеристики; ценности, эксплицируемые локальным речевым контентом, оказываются постоянно востребованными в условиях сельского социума.

Восприятие сферы кино, как мы смогли убедиться, в полной мере отражает эти черты. Вербализуются преимущественно те предметы и явления, которые близки и понятны диалектоносителю — доступный для восприятия субъектный: *клубарь, клубариха, кинцик, киномеханик* и др. — и объектный мир кинопроката и телевещания: *клуб, тиливизер, картина, афиша, видеошник* и др. В памяти сохраняются наиболее яркие прецедентные имена артистов (*Крючков, Тихонов, Бондарчук, Михалков* и др.), имена персонажей (*Глаша, Тимур* и др.), в том числе в адаптированном (*Завра (Изура), Леонтий (Леонсио Алмейра)* и др.) и обобщенном виде (*фантомасов*

казали... *шерлокхопцов* и др.), полные и сокращенные названия фильмов («*Чапаяв*», «*Кубанские казаки*», «*Девчата*», «*Ирония судьбы...*» и др.), прецедентные образы и сюжеты: *воно как лётчику обоё ноги отхайдакали!* («*Повесть о настоящем человеке*», 1948 года, режиссер А. Столпер).

Система ценностей диалектной языковой картины мира включает в себя как универсальные ценности (*добро, счастье* и др.), витальные ценности (*жизнь, здоровье* и др.), социальные ценности (*труд, богатство, правда* и пр.), в том числе и ценности взаимодействия в коллективе (*дружба, коммуникабельность* и пр.), личные ценности (*красота, ум, храбрость* и пр.), в том числе репрезентирующие чувство патриотизма и религиозные ценности. Вербализация этих ценностей осуществляется с помощью широкого арсенала доступных лексико-фразеологических средств и синтаксических конструкций с положительными (*деушка бойкая, роботяишая, посмотреть на что исятко, всё при ёй, порядошнаа, ладенькая, фигуристая, были как люди*) и отрицательными коннотациями: *зимогор, нероботь, побл...ушка, брезготницы, алкоголик, худой, сука не знать кака, хвостом вертела, до свинячьей-то рожки напиватьсье, не больно гленётсье, не люблю, нам... тут без надобности, бог отвёл, страм какой! экого-то бл...ства отродесь не видывала!* Сфера кинематографа при всей своей привлекательности (*путняя робота с кинам-то, не в говне*) воспринимается диалектоносителями как нечто избыточное для сельского социума, необязательное, не гарантирующее устойчивого благосостояния: *учится на какоо-то там, не пойми что, продюсера*. Ценностная деятельность отражает потребности и интересы людей, специфику общественных отношений, сложившихся в локальном социокультурном сообществе, транслирует стереотипы поведения и эталоны нравственности — ярким примером тому можно назвать припоминаемый информантами факт крайне негативного восприятия «рекламного бума» девяностых годов XX века: *Дедко, рассказывали, у их тиливизёр убил. А чёо? А за бабскиё прокладки... Вот взял топор и х...кнул!*

Восприятие киноконтента с точки зрения реальности / ирреальности выражается в речи диалектоносителей с помощью разнообразных языковых средств, эксплицирующих ирреальную модальность: *больше про жись, но тожо, пои, сказка; в кине-то у бабы тройнички родились будто, тута не кино, тута жись — только держись!* Рассказы диалектоносителей о кино оформляются как бытовой монолог с вкраплениями различных жанровых форм бытовой несказочной прозы. Такие рассказы ориентированы одновременно и на достоверность, и на мифологичность повествования, им присуща композиционная сложность и многоплановость, яркая экспрессивность и эстетизация, допускающая привнесение в повествование доли вымысла, а также присутствие в тексте весьма отчетливо вы-

раженного авторского взгляда на ситуацию, стремления передать слушателю свой жизненный опыт, желания чему-либо научить или от чего-либо предостеречь. Этот синтез форм весьма причудливо обнаруживает связь традиционной речевой культуры сельских жителей и «новой», городской культуры, идеи и ценности которой транслируются посредством кинематографа и аудиовизуальных медиа.

Источники и принятые сокращения

1. СВГ — *Словарь вологодских говоров* / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. — Вологда : ВГПИ ; ВГПУ, 1983—2007. — Вып. 1—12.
2. СРЯ — *Словарь русского языка* : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985—1988.

Литература

1. *Белякова С. М.* Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожилческих говоров юга Тюменской области) : диссертация ... доктора филологических наук / С. М. Белякова. — Екатеринбург : Уральский государственный университет им. М. Горького, 2005. — 354 с.
2. *Блинова О. И.* Мотивационно связанные слова как объект диалектной мотивологии / О. И. Блинова // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. — Санкт-Петербург : Наука ; Вологда : ВГПУ, 2007. — С. 78—117.
3. *Брысина Е. В.* Признаки и свойства диалектной картины мира (на материале донских говоров) / Е. В. Брысина, Т. И. Морозова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 140—154.
4. *Букринская И. А.* Из опыта исследования монолингвальной диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 155—164.
5. *Букринская И. А.* Лексика диалектов как отражение народной картины мира / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л. Л. Касаткина. — Москва : Институт русского языка РАН, 1998. — С. 5—14.
6. *Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. — Москва : Индрик, 1998. — 240 с.
7. *Ганичева С. А.* Опыт словаря языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области, 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.vologda-uni.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm (дата обращения: 20.03.2022).
8. *Горбачев О. В.* Кино для деревни: советский художественный кинематограф и крестьянский зритель в 1920-е — начале 1950-х гг. / О. В. Горбачев // Документ. Архив. История. Современность. — 2017. — № 17. — С. 230—244.
9. *Гынгазова Л. Г.* Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем / Л. Г. Гынгазова // Филологические науки. — 2007. — № 1. — С. 15—19.
10. *Демидова К. И.* Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) / К. И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — С. 68—76.

11. Дианова Е. В. Кино для деревни: репертуар сельских кинопередвижек 1920-х гг. / Е. В. Дианова // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XII Всероссийской научной конференции с международным участием. — Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. — Выпуск 12. — С. 129—133.

12. Зубова Н. Н. Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. Н. Зубова. — Вологда : ВоГУ, 2017. — 206 с.

13. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: монография / Е. В. Иванцова. — Томск : Издательство Томского университета, 2002. — 312 с.

14. Ильина Е. Н. Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография / Е. Н. Ильина, Т. Г. Комиссарова. — Вологда : ВоГУ, 2019а. — Часть II. Детство. — 176 с.

15. Ильина Е. Н. Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография / Е. Н. Ильина, Л. В. Сабурова, С. А. Ганичева. — Вологда : ВоГУ, 2019б. — Часть I. Домашние и дикие животные. — 178 с.

16. Канунова Т. Н. Кино Вологодчины / Т. Н. Канунова. — Вологда : Вологодский областной информационный центр, 2013. — 269 с.

17. Кирилова Е. А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. А. Кирилова. — Вологда : ВГПУ, 2008. — 203 с.

18. Кометчиков И. В. Культура досуга центрального Нечерноземья в 1945 — начале 1960-х гг. : традиции и новации / И. В. Кометчиков // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. — Калуга : Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2016. — С. 59—63.

19. Народная речь Вологодского края : опыт мужского речевого портрета : монография / Н. А. Волкова, С. А. Ганичева, А. В. Загуменнов, Е. Н. Ильина, М. Г. Мельникова. — Вологда : ВоГУ; Череповец : ЧГУ, 2017. — 232 с.

20. Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта : монография / Е. П. Андреева, Е. Н. Варникова и др. — Вологда, 2016. — 216 с.

21. Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни : монография / Е. Н. Ильина, С. А. Ганичева, Ю. Н. Драчева, Е. А. Кирилова, И. Е. Колесова, Н. Г. Мельникова. — Вологда : ВоГУ, 2021. — 684 с.

22. Сидорова Г. П. «Преодоление различий между городом и деревней», или советская городская повседневность против сельской / Г. П. Сидорова // Культура и искусство. — 2019. — № 2. — С. 28—36. — DOI: 10.7256/2454-0625.2019.2.28762.

Material resources

SRYA — Evgenieva, A. P. (ed.). (1985—1988). *Dictionary of the Russian language, 4*. Moscow: Russian language. (In Russ.).

SVG — Panikarovskaya, T. G., Zorina, L. Yu. (eds.). (1983—2007). *Dictionary of Vologda dialects, 1—12*. Vologda: VGPI; VSPU. (In Russ.).

References

Andreeva, E. P., Varnikova, E. N. (et al.). (2016). *Rezh texts as a source of ethnolinguistic description of the North Russian dialect: monograph*. Vologda. 216 p. (In Russ.).

Belyakova, S. M. (2005). *The image of time in the dialectal picture of the world (based on the vocabulary and phraseology of Russian old-timer dialects in the south*

- of the Tyumen region*): Doct. Diss. Yekaterinburg: Ural State University M. Gorky. 354 p. (In Russ.).
- Blinova, O. I. (2007). Motivational related words as an object of dialect motivation. In: *Dialect word formation, morphemics and morphonology*. St. Petersburg: Science; Vologda: VSPU. 78—117. (In Russ.).
- Brykina, E. V., Morozova, T. I. (2014). Signs and properties of the dialect picture of the world (based on the Don dialects). In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)*. St. Petersburg: Nestor-History. 140—154. (In Russ.).
- Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (1998). Vocabulary of dialects as a reflection of the folk picture of the world. In: *Language: variability and constancy. To the 70th anniversary of L. L. Kasatkin*. Moscow: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. 5—14. (In Russ.).
- Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (2014). From the experience of studying monological dialect speech: folklore and everyday texts. In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 155—164. (In Russ.).
- Demidova, K. I. (2008). Dialect linguistic picture of the world and features of its representation in particular dialect systems (based on the Russian dialects of the Urals). In: *Lexical atlas of Russian folk dialects: materials and research*. St. Petersburg: Nauka. 68—76. (In Russ.).
- Dianova, E. V. (2021). Cinema for the village: the repertoire of rural cinemas of the 1920s. In: *The capital and the provinces: the relationship between the center and regions in the history of Russia: materials of the XII All-Russian Scientific Conference with International Participation, 12*. St. Petersburg: Leningrad State University. A. S. Pushkin. 129—133. (In Russ.).
- Ganicheva, S. A. (2016). *Experience of the dictionary of the linguistic personality of a native of the Kirillovsky district of the Vologda region*. Available at: http://www.vologda-uni.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm (accessed: 03.20.2022). (In Russ.).
- Gorbachev, O. V. (2017). Cinema for the village: Soviet art cinema and the peasant audience in the 1920s — early 1950s. *Document. Archive. Story. Modernity, 17*: 230—244. (In Russ.).
- Gyngazova, L. G. (2007). Interpretation of the world by the linguistic personality of the dialect carrier and its reinterpretation by the researcher. *Philological Sciences, 1*: 15—19. (In Russ.).
- Ilyina, E. N., Ganicheva, S. A., Dracheva, Yu. N., Kirilova, E. A., Kolesova, I. E., Melnikova, N. G. (2021). *Speech culture of Belozerye in the focus of the dialect of one village: monograph*. Vologda: VSU. 684 p. (In Russ.).
- Ilyina, E. N., Komissarova, T. G. (2019a). *Linguistic picture of the world of the Vologda peasant: monograph, 2. Childhood*. Vologda: VSU. 176 p. (In Russ.).
- Ilyina, E. N., Saburova, L. V., Ganicheva, S. A. (2019b). *Linguistic picture of the world of the Vologda peasant: monograph, 1. Domestic and wild animals*. Vologda: VSU. 178 p. (In Russ.).
- Ivantsova, E. V. (2002). *Phenomenon of dialect linguistic personality: monograph*. Tomsk: Tomsk University Publishing House. 312 p. (In Russ.).
- Kanunova, T. N. (2013). *Cinema of the Vologda region*. Vologda: Vologda Regional Information Center. 269 p. (In Russ.).
- Kirilova, E. A. (2008.). *The structure of compound words in modern Vologda dialects*: PhD Diss. Vologda: VSPU. 203 p. (In Russ.).

- Kometchikov, I. V. (2016). Leisure culture of the central Non-Chernozem region in 1945 — early 1960s: traditions and innovations. In: *Scientific works of the Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky*. Kaluga: Kaluga State University. K. E. Tsiolkovsky. 59—63. (In Russ.).
- Sidorova, G. P. (2019). “Overcoming the differences between the city and the countryside”, or Soviet urban versus rural everyday life. *Culture and Art*, 2: 28—36. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.2.28762. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (1998). *Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)*. Moscow: Indrik. 240 p. (In Russ.).
- Volkova, N. A., Ganicheva, S. A., Zagumennov, A. V., Ilyina, E. N., Melnikova, M. G. (2017). *Folk speech of the Vologda region: experience of a male speech portrait: monograph*. Vologda: VSU; Cherepovets: ChSU. 232 p. (In Russ.).
- Zubova, N. N. (2017). *Linguistic personality of a resident of the Russian North: the experience of verbal-semantic, linguo-cognitive and pragmatic description*. PhD Diss. Vologda: VSU. 206 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.01.2022,
одобрена после рецензирования 19.04.2022,
подготовлена к публикации 03.05.2022.